

Автор представлен членом Художественного совета **Виктором Хатеновским**

Переменчивость и неизменность

Вода в моей беде
Белеет, холодится
Беда в моей воде
Не прочь повеселиться.
Родной мой, как, скажи
Извлечь из-под осколков
Сиреневую жизнь,
Прошитую иголкой?
В любимый свитер влезть,
Поставить ноги в тазик
Ошибок нам не счесть,
Но и без них не праздник.
Вода из глаз на стол,
Беда из рук на плечи
Исполнит приговор
Красноречивый вечер.
Прольется месяц в чай,
Потрескаются стены
Прохладно, чай не май –
Июль попеременный.
Молчать – терять – кричать.
Поговорить – смеяться.
Все просто – выбирать
Поцеловать – остаться.
Бессмысленны ль стихи
Об очень-очень личном?
Умеренно тихи
И громко неприличны.
Вода в моей среде
Составами рознится
Среда в моей воде
Могла перемениться.

Есть боль. Нет боли

Не вымолчать. Не удержать в груди.
Немыслимую боль несет безумство
И птицею израненной летит
Печаль детей, врезаюсь в наши чувства.

Пройдут года, минует этот век,
Утихнет плач над ужасом террора,
Но будет жить Земля, пока не скоро
потухнет свет, погаснет человек.

И в сумрачном вращении планет,
В серебряном дыму, вдохнувшем время,
Иные жизни не найдут ответ –
Кому, зачем – лихое это бремя?!

В немой туман, потухших ныне, звезд,
Упали слезы матерей, как в камень.
Немая боль, хранимая веками, –
Окаменелость этих горьких слез.

Ах, Петербург

А Петербург вновь мрачен
И небо падает,
Как призраком охвачен,
Молчит и капает.

Он взял меня с дождями,
В пальто изысканном,
Гордись его вождями
У старой пристани.

Пришла к нему без слова –
Как в реку кинулась,
Передо мною новой
Мосты раздвинулись.

Водою поливает,
Ветрами дунуло –
Я полюбить так город
Совсем не думала!

Ведет меня с тоскою
По Достоевскому...
Перечитав, закрою
Страницы резкие.

Дождь без конца и края –
И под покровами
Я в Петербург врастаю
Словами кровными.

Слышен голос солнца с твоего оконца

Слышен голос солнца с твоего оконца,
Расплескалось небо по лужам во дворе.
Ласковый котенок к солнышку прижмется
И помоеет лапки прямо на траве.

Выйдем на прогулку, дождь прошел недавно
И куда ушел он?
А откуда шел?
Знаю, ты откроешь все на свете тайны,
И уже их много в травушке нашел!

Но, поднял головку – новые просторы,
Вот же удивленье – в небе самолет!
И уже травинка в ручках так проворно
Делает свой первый жизненный полет.

Ну же! Побежали, надо поскорее
Рассказать синичке как её люблю.
С каждым днём с тобой я заново взрослею,
Этот мир впервые снова познаю!

Полная луна и половина меня

Полнолунный вой затихнет в море,
До рассвета точно больше часа
Замереть бы в сумеречном строе
Дальних звезд в созвездии Пегаса.

Зарядить прозрение в полстрочки
И стрелять по дали без прицела,
Прозвучали первые звоночки
Громкостью в полсотни децибелов!

По шкале кошачьего урчания
Нежностью измерила в полночи
Половинку моего отчаянья
В целиком запутавшейся строчке.

Полнолунность утонула в море,
До рассвета точно меньше часа,
Замереть бы в сумеречном строе
Дальних звезд в созвездии Пегаса.

Искусство – выше

Прервав диалог об успехе, сравнив его с мылом,
на стужу ссылаясь, не вспомнив когда это было –
возможно, в июле,
когда различимых слов прошлого лета не слышно,
с программкой в партере сыром я сижу неподвижно
в развинченном стуле.

Для слов не хватает предельно понятной картины –
не видеть бы перед собою угрюмые спины,
свернувших с дороги.

Посыпать полы нескользящей сухой канифолью
и дать не упасть, ознакомив с не трудною болью
их хрупкие ноги.

И все потому что от сцены не требуют славы
и можно хоть тысячу раз переписывать главы,
мечтая на крыше.

На выходе ждет не катарсис – пальто и ботинки,
в театре всегда выпрямляют горбатые спинки –
Искусство превыше.